

Летняя история.

Хороша ягодка земляника, да обманчива. Вот она в траве алеет, а наклонился – что за чудо, спряталась куда-то. Сама маленькая, да сладости неимоверной. Николай Васильевич собирал землянику, стоя на коленях. Руки его едва поспевали за глазами. Обилие вызревшей, темной, крутобокой ягоды словно подзадоривало - не соберешь.

- Котька, идем с нами на вырубку, - звонкий голос Соньки распорол утренний воздух. Колька, еще сонно шедший за коровой, подскочил, обернулся и наткнулся на вызывающий взгляд рыжей, конопатой задиры.

- Ну, идешь?

- Ладно, пойду, сейчас только мамке скажусь да корзину возьму, - Колька говорил неспешно, полностью сознавая свою значимость в этом женском мире.

Маленькая деревня, стоявшая далеко от большаков, жила обособленно, а подчас и по своим законам. Законы эти были веками сложены и потому не могли быть неверными, неправильными или попросту ненужными.

- Все в этом мире не просто так, а по Божиему плану, - говорил дед Василий, бывший пономарь, и протягивал Кольке сигарку. – И мир, и война, и жизнь каждой твари записана на вратах золоченых.

- А пошто их не прочитают?

- Э-э-э эх, хитрый какой! Оне, те врата, на высоте большой. Человеку не допрыгнуть... Божии птицы, может, вот долетают... Так разве ж они прочитают?

- Так пошто тогда врата эти нужны?

- Как пошто? Людей-то тьма, разве ж Бог обо всех упомнит? Вот встанешь ты, Колька, перед вратами, выйдет привратник Петр и все твои грехи на золотых вратах враз почернеют. Все тут и понятно станет – куда тебе, в ад или в рай.

- А батя мой, как есть, в ад попал, - после долгого раздумья выдал Колька.

- Пошто так?

- А как же? Он ведь пил, мамку бил. Денег никогда в дом не носил. Хату и то нам не срубил – тоже мне плотник. А потом ушел на войну и помер там. Кто теперь семью кормить должен, Колька?

- Мал ты ишо..

- Да я...

- Не перебивай, я тебе сказал! Мал – значит мал! Ежели отец твой, Василий, пил – значит, не просто так... может, жизнь у него так сложилась... Не тебе судить. А баб и надо в строгости держать. Не нами записано: «Да убоится жена мужа своего...» Вот погоди, женишься, так и вспомнишь слова-то мудрые. – Дед Василий затянулся и замолчал. Колька боялся даже шелохнуться и, только как-то глупо выпучив глаза, бессмысленно смотрел на речку, что текла по низу оврага.

– А и хоть бы и несправедно жил твой отец – все одно - он в раю, – вдруг продолжил дед, - все там, кто за Родину, за землю свою смерть принял.

Трудно давалась эта истина Кольке. Да и правда ли, что отец в раю, когда никто его добрым словом не вспомнит? Буйный во хмелю, батя всех поколачивал, кто под руку попадался, да и работник он был аховый, потому и ютилась семья в старом дедовском доме. Колька после смерти отца остался старшим в семье, а за ним словно горох подрастали ещё три сестры.

- Mam, я на вырубку, - подхватив лукошко, Колька сиганул через забор, распугав встрепанных куриц.

Два лета назад мать сшила Кольке из отцовских портков первые штаны, и он уже считался взрослым – почти мужик, но компанию так и не поменял – с девчонками он чувствовал свою значимость и важность. Да и глаза рябой Соньки все чаще смотрели на него с таким вызовом, против которого не мог он устоять.

Рассыпавшись по вырубке маленькими группами и поодиночке, стали собирать ягоду. Бралось легко. Но кусались злющие в только что опустившемся утреннем тумане комары. Через два часа солнце поднялось выше леса, стало припекать, и полетели острога да слепни, захотелось пить.

- Девки, кончай сбор! – командный голос Соньки раскатился по вырубке и пошел эхом гулять по лесу. Девчонки собирались вокруг командирши и заводили. От собранных ягод шел такой аромат, что Колька невольно сглатывал слюну.

- Ну, и кто больше собрал? – спросила Сонька. Стали спорить, решали, чья корзинка больше, у кого ягоды лучше. Девки кричали, как галки на заборе, и Кольке стало смешно.

- Ты че это?

- Да ну вас, дуры, - продолжал ухмыляться Колька, - идемте уже домой, а то жрать хочется.

Стали собираться. Девки повязали на лукошки платки, чтобы ягоды не рассыпались. Шли быстро и весело. Девки шутили, пели частушки и песни. Сонька, как командир, шла впереди. Вышли из леса. На горе показалась деревня. «Ну вот, - думал Колька, - сейчас через речку да гору - и вот он дом».

- Парни, гляньте-ка, какая девка в штанах песни поет, - из кустов вышел Ванька, по прозвищу «Боровик». Удочка его валялась на берегу, он явно собирался домой.

- Так ему, поди, по ошибке штаны мамка сшила, - добавил Сенька.

-Ага, промахнулась она малость – юбку не там ушила, - подвязывая штаны, согласился Захар.

Троица этих парней была известна всей округе. После войны мало мужиков вернулось, и эти парни оказались самыми старшими в окрестных селах – женихи. Поговаривали, что Ваньку любили привечать вдовушки из соседних сел, да только мало ли что люди болтают...

- Помолчал бы ты, Боровик, треплешься, что собака брехливая, - отрезала Сонька и толкнула плечом Ваньку. Мост через реку был неширок. Ванька ухватился за Соньку.

-Глянь-ка, ребят, какие дерзкие выросли. Может, у неё еще чторосло? – под гогот парней Ванька стал задирать подол у заверещающей Соньки.

Колька плохо помнил, что было дальше. Красные полосы гнева мелькали перед глазами, а может, это была хлынувшая из носа Ваньки кровь, или порванная рубаха Захара, или заскорузлые пятки трусоватого Сеньки.

Встав на колени, Колька опустил голову в воду. В висках стучало, сердце было готово выпрыгнуть из груди, перед глазами все прыгало, вода ручьями стекала по лицу, бежала за ворот рубахи.

- Коль, тебе больно? – где-то совсем рядом выдохнула Сонька.

- Ненавижу. Ненавижу вашу землянику! – Колька подскочил, схватил свое лукошко и бросил его Соньке прямо в лицо.- Подавитесь вы...

Убегая, краем глаза видел Колька, как раскатывалась по траве красная, яркая земляника, как потекли слезы из глаз Соньки.

- Курица - не птица, баба – не человек, - шептал Колька и все выше поднимался по петляющей тропке в гору.

- Дед, вкусная ягодка да, вкусная?

- Вкусная, вкусная, - усмехнулся Николай Васильевич и привычным жестом поправил рыжие кудри и щелкнул по конопатому носу внучку, а потом опустил глаза, не выдержав серьезного, с вызовом взгляда.

3.07.2013